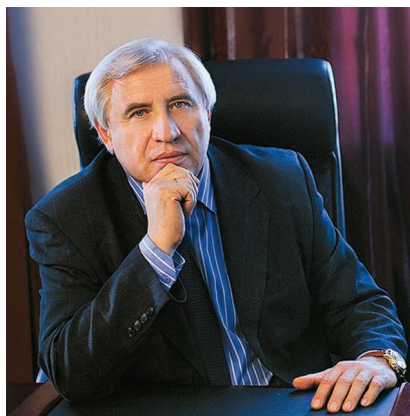


Что мы еще не снесли?



Мне было четырнадцать лет, когда мы переехали на новую квартиру. Старую и коммуналкой-то назвать было нельзя. Длинный общий коридор, освещаемый тусклыми лампами, где у каждой семьи был свой стол, на котором стояли керогаз или примус (молодые горожане, наверное, и слов этих уже не знают). Водяная колонка и прочие удобства на улице. При этом в каждой комнате своя печь. И ведь дома не горели! Общага эта возводилась для строителей корпусов нового завода. Шарико-подшипникового! И даже улица, где мы жили, называлась 2-я Подшипниковая. Помню, кондуктор для входящих в трамвай объявлял: «Вагон идет на шарики». Если кто-то думает, что речь идет о Мурыновке, – ошибается. Догадайтесь! О районе завода тракторных запчастей! Улица, на которой я провел детство, позже будет переименована в честь Героя Советского Союза Пигорева. (Кстати, 1-я Подшипниковая – ныне Сумская). И только память сегодня напоминает, что здесь когда-то затевалась грандиозная стройка подшипникового завода...

Человеку свойственно забывать. Время стирает с лица областного центра старые постройки, меняет облик города. Он преобразуется. И вместе с тем мы теряем что-то очень дорогое для нашего сердца – уголки старого Курска!

Совсем недавно превратился в строительный мусор Летний театр в Первомайском парке. Ему сто лет в обед. Пару десятилетий назад на нем еще были мемориальные доски, напоминавшие, что в этом здании выступали Горький и Калинин. Их я не застал. Зато моя тетушка водила меня сюда в лет семь-восемь на концерт лилипутов. Тоже история! По-моему, ныне подобных творческих коллективов даже не существует! А тогда артисты меня просто поразили. С меня ростом, а выглядят как взрослые. Женщины на шпильках. Мужчины при бабочках. При этом танцуют, поют. Голоса необычные. Было мне, мальчишке, чему удивляться.

...Иду по улице Садовой. Где он, тот особняк, на котором еще до недавнего времени висела мемориальная табличка, сообщавшая, что сюда приходила газета «Искра». В нем жила когда-то Евгения Михайловна Богатырева, заведующая литературной частью драматического театра. Многих журналистов она вводила в удивительный мир Мельпомены. Однажды я попал к ней в гости вместе с молодыми тогда артистами Юрой Корчагиным, Андреем Светловым, Людмилой Манякиной. Было чему поразиться. Мы попали в квартиру-музей. Я бы сказал: музей мещанского быта! Здесь все оставалось так, как было пятьдесят-семьдесят лет назад. Старый, но действующий граммофон, старинная мебель, венские стулья... все вокруг дышало историей. Нам даже было позволено заглянуть через замочную скважину в соседнюю комнату, где, застыв перед зеркалом, гордо выпрямив спину, сидела ее девяностолетняя тетушка, седая как лунь...

Когда-то в студенческие годы я работал экскурсоводом. Но сегодня я экскурсант. И ведет меня по улицам города память. Выхожу на Радищева. Где-то здесь, будучи совсем юным, я замерзал зимой. На стадион «Динамо» – его давно уже нет – молодежь приходила на каток. Звучала музыка. Братья надевали коньки и спешили на лед, оставив меня мерзнуть, при этом охранять вещи. Еще поворот – и вот он, кинотеатр «Комсомолец». За углом – «Смена»...

Самое время остановиться и взять в руки только что вышедшую из печати книгу Олега Радина «Город моего детства». Мой однокашник давно меня потчевал «завтраками» о замисленном. Раскладывал фотографии 50–60-х годов. И мы, оставаясь в стенах галереи «АЯ», как теперь бы сказали, совершали виртуальные экскурсии по городу нашего детства. Городу, который за последние годы стал подрастать ввысь. Сносятся кварталы ветхих домов, и в центре на их месте сооружаются многоэтажки. Несомненно, современно, красиво, но... бездушно. Никто не будет оспаривать, что центр надо менять. Но только очень хочется, чтобы Курск приобретал черты города, смотрящего в завтра.

Чтобы высотки не были до безобразия однолики. Ведь их сооружают на века!

Вряд ли уж теперь остро встанет вопрос сохранять что-то ценное из архитектуры ушедших веков. Увы, в Курске почти ничего не осталось. Разве дом Малевича, еще до недавнего времени вызывавший острые дебаты на страницах местной прессы? Да еще несколько зданий. Ибо на мой вопрос, что можно еще сохранить, Радин ответил вопросом: «Скажи, а что мы еще не снесли?»

...Несколько дней назад в Курске давал концерт Сергей Захаров, в репертуаре которого особое место занимают песни Муслима Магомаева. Первые аккорды. И врывается в твою душу мелодия песни «Чертовое колесо». И ты уже не в зале филармонии. Ты в парке Дзержинского, у колеса обозрения. Тянешь свою тоненькую – гусиную шею вверх, где над тобой – мальчишкой возвышается огромное, собранное из металла колесо. Ты мечтаешь, чтобы быстрее подошла кабинка и понесла тебя ввысь. Это впереди, через много лет «Боинги» будут поднимать тебя на десять тысяч километров, оставляя далеко внизу облака. И это станет привычно. И перестанет удивлять. А пока ты хочешь взмыть ввысь. Хочешь себя почувствовать птицей, оторваться от земли, ведь как бы ты ни пытался высоко подпрыгнуть, все равно земля оставалась у тебя под ногами. Колесо несло тебя вверх, перехватывало дыхание от мысли, от желания узнать, что там, впереди, за горизонтом, куда каждый день закатывается солнце. Какой он – этот большой мир – с высоты птичьего полета? И он постепенно открывался тебе крышами домов, утопающими в яблоневом цвету. Корпусами заводов, где рядом обязательно была высокая труба. Речкой, несшей свои воды в дальние края. Колесо творило чудо! Ты оглядывал город окрест. И он не мог не влюбить в себя. Это было твоё открытие Курска.

...Даже чертовое колесо может состариться. Не только люди. Однажды оно замерло. Навсегда. Ржавел замок, повешенный на пульт управления. Мне казалось, что где-то в столе у чиновника от культуры валяется ставший ненужным ключ. К этому дивному аттракциону. И ключ к твоему детству...

Михаил ИЗOTOV,
главный редактор журнала